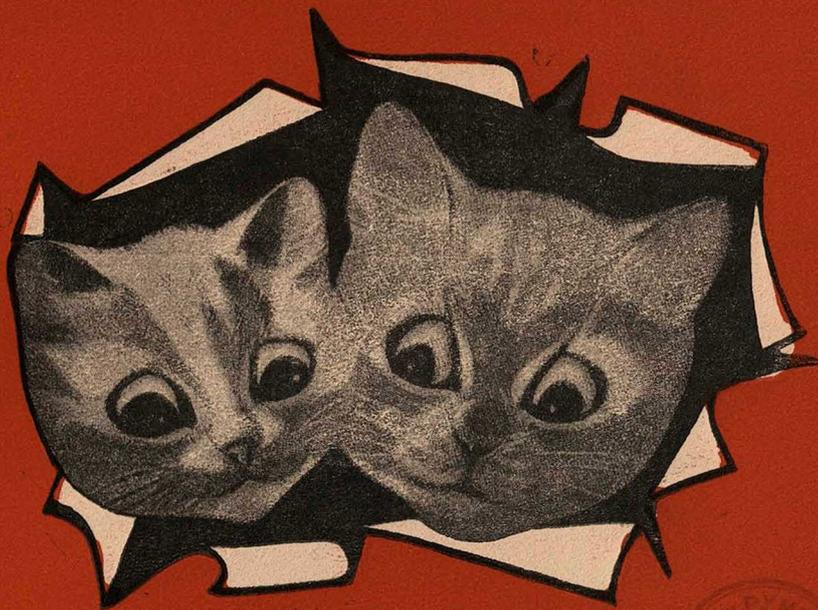

Годъ изданія четвертый.

МАРТЪ.

№ 9.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КУКУШКА.
ЗИМНИМЪ ВЕЧЕРКОМЪ.
МОИСЕЙ.
ВЕСНА ИДЕТЬ!
ВАСИЛИСА У БАБЫ-ЯГИ
(дѣтская пьеска).
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Въ тепломъ гнѣздышкѣ» — листъ
6-й.

Игра въ перегонки.

THE LIBRARY OF THE

UNIVERSITY OF TORONTO

1911

1911

301010101 111111111

UNIVERSITY OF TORONTO

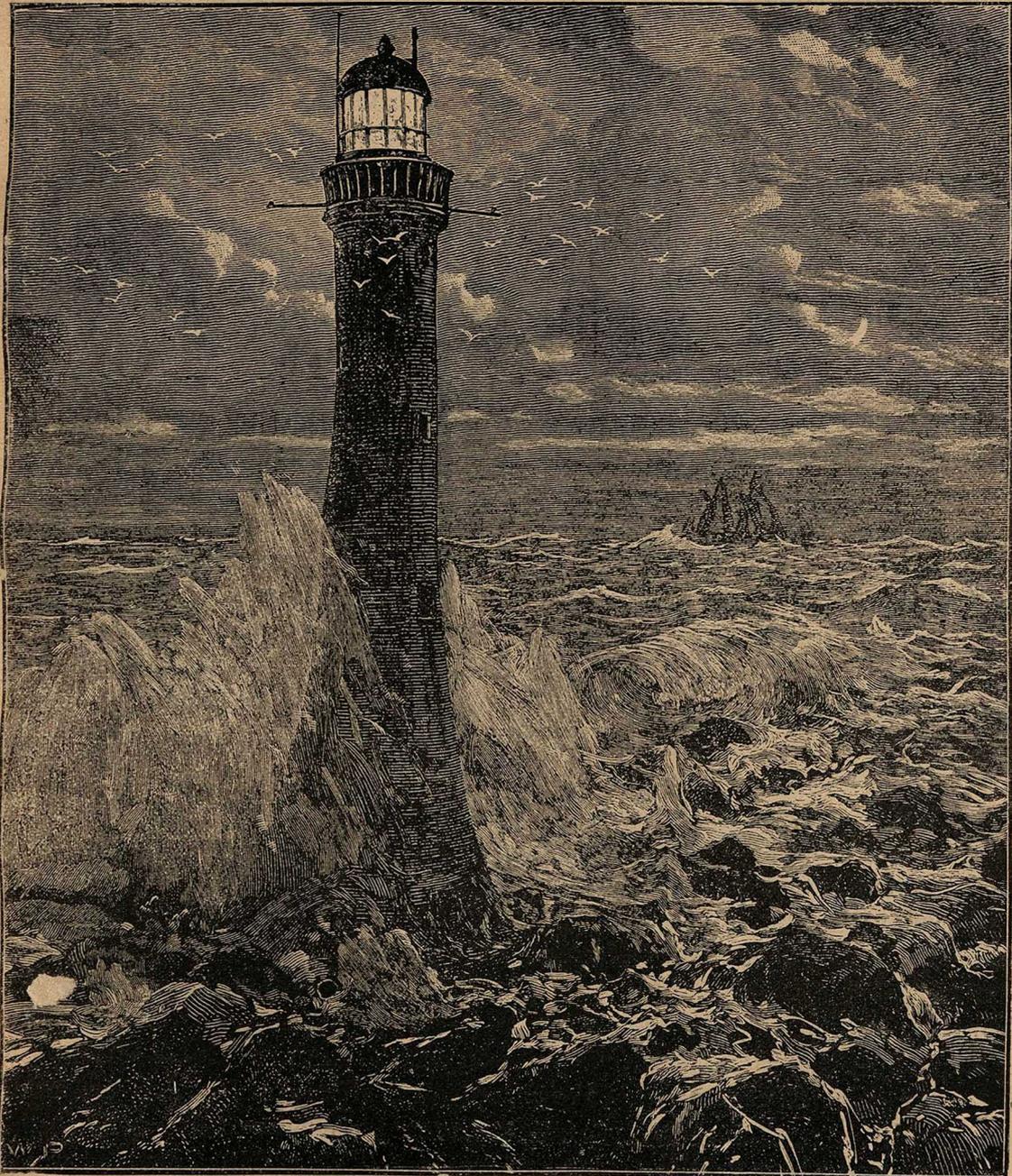
UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY
1911

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Маякъ. Чтобы корабли не разбивались о камни, у береговъ строятъ высокія башни, на которыхъ всю ночь горитъ огонь. Такія башни называются маяками.

КУКУШКА.

Быль чудный майскій день. Молодой дроздъ со своей супругой только что окончилъ постройку гнѣзда въ густомъ кустѣ посреди зеленой лужайки въ глубинѣ лѣса.

Послѣ непродолжительнаго отдыха самка-дроздъ снесла три хорошенькихъ съ пятнышками яичка цвѣта морской волны.

— Ну вотъ, сказала она съ сожалѣніемъ; — кончились счастливыя дѣтство и юношество. Теперь начинается и серьезная жизнь.

Дроздъ-самецъ утѣшалъ свою супругу, какъ могъ, но она была въ плохомъ настроеніи и совсѣмъ не слушала его ободряющаго пѣнія.

— Вотъ вы всѣ, мужчины, таковы, сказала она. — Вы всегда разсуждаете обо всемъ только по насльшкѣ. Попробуйте-ка, хоть только одинъ разъ быть на нашемъ мѣстѣ и просидѣть на гнѣздѣ цѣлыя двѣ недѣли, не вставая. Вы только рассказываете намъ всякій вздоръ и заставляете высиживать яйца... Уходи отъ меня! Твой видъ меня раздражаетъ! Иди и принеси мнѣ толстенную мушку повкуснѣе.

Вечеромъ самка была внѣ себя отъ гнѣва.

Дроздъ слушалъ ее совершенно спокойно.

— Ты можешь сегодня еще вдоволь прогуляться, совѣтовалъ онъ своей капризницѣ, но за то съ

завтрашняго дня тебѣ уже придется сидѣть все время, иначе наши яички охладятся и изъ нихъ не вылупятся птенцы.

— Ты бы избавилъ меня отъ своихъ совѣтовъ, воскликнула дроздиха и, взмахнувъ крыльями, улетѣла въ лѣсъ. Дроздъ поспѣшилъ за ней, чтобы, въ случаѣ необходимости, охранить ее отъ ястреба.

Едва молодая чета успѣла удалиться, какъ вдругъ какая-то чужая птица сѣла у ихъ гнѣзда и пристально стала всматриваться въ него и поглядывать на лежавшія въ немъ яички. Она была гораздо больше дрозда; перья у нея были темно-сѣраго цвѣта со свѣтлыми пятнами на груди и на брюшкѣ. Во рту она держала яйцо. Подумавъ немного и убѣдившись, что за нею не глядитъ никто, она съ большой предосторожностью положила его рядомъ съ яйцами дроздовъ.

Незнакомка еще съ минуту посмотрѣла на гнѣздо и затѣмъ, взмахнувъ крыльями, улетѣла въ лѣсъ, гдѣ на вѣткѣ большого дерева сидѣлъ ея мужъ и поджидалъ ее.

— Ну, что? — спросилъ онъ, положила яйцо?

— Да, — отвѣтила она. — Я его положила въ гнѣздо къ дроздамъ. Это — добрыя птицы и онѣ будутъ

хорошо обращаться съ нашимъ ребенкомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, они улетѣли.

Когда же дрозды вернулись обратно въ свое гнѣздо, то они даже и не замѣтили, что вмѣсто трехъ яицъ, тамъ лежало теперь четыре. Это произошло отъ того, что ни одинъ, ни другой не были сильны въ ариѳметикѣ и счета, какъ и всѣ птицы, не знали. Кромѣ того, и дроздиха была теперь въ веселомъ настроеніи. Она тотчасъ же сѣла на яйца и стала высиживать ихъ, а ея дроздъ сталъ напѣвать ей серенаду, раздававшуюся на весь лѣсъ.

Въ теченіи четырнадцати дней дроздиха примѣрно сидѣла на яйцахъ, и за все это время ея дроздъ леталъ по окрестностямъ, собиралъ бабочекъ, личинокъ и мушекъ, клалъ свою добычу около нея, какъ разъ къ ея носу, такъ что ей достаточно было только немного приподняться, чтобы взять пищу и затѣмъ снова занять свое прежнее мѣсто.

— Ты все-таки очень добръ и милъ... — говорила она, наклоня граціозно головку. — Ты такъ теперь меня балуешь... Не правда-ли, какъ намъ обоимъ будетъ пріятно, когда у насъ вылупятся изъ яичекъ дѣтки?

На пятнадцатый день, скорлупа яицъ лопнула и оттуда появились на свѣтъ четыре птенца, голенькіе, безъ перьевъ, которые тотчасъ-же

широко открыли свои желтые клювы и запросили ѣсть.

Дроздъ внимательно сталъ ихъ разглядывать.

— Какіе они славненькіе! — воскликнулъ онъ.

— Не правда-ли, какія души! — воскликнула радостно и дроздиха.

Дроздъ посмотрѣлъ на нее насмѣшливо и проговорилъ:

— Однако, вѣдь ты не хотѣла сидѣть на яйцахъ!

— Я?! — удивилась дроздиха. — Что это тамъ такое ты поешь? Я даже никогда и не говорила этого... Ты бы лучше пошелъ поискать пищу для нашихъ ребятишекъ, чѣмъ болтать всякую чепуху.

Дроздъ улетѣлъ и черезъ нѣкоторое время вернулся съ большимъ запасомъ корма. Полный клювъ у него былъ набитъ нѣжными червячками и мушками. И каждый разъ, какъ онъ возвращался, его птенцы широко раскрывали свои клювы, точно никогда ничего не ѣли и ничѣмъ не могли утолить своего голода. Но не всѣ четверо были одинаково прозорливы. Одинъ изъ нихъ былъ особенно жаденъ.

— Хорошій изъ него будетъ дроздъ! — восхищался имъ отецъ. — Ъсть за четверыхъ.

— Ты долженъ обращаться со всѣми дѣтьми одинаково, — замѣтила сердито мать. — Одного хвалишь, а другого — нѣтъ. По моему, маленькіе даже гораздо лучше.

Однажды вечеромъ дроздь сидѣлъ рядомъ со своей супругой, которая грѣла подъ своими крыльями птенцовъ.

— Жизнь становится очень тяжелой, когда имѣешь большое семейство, жаловался онъ ей.—Времена совсѣмъ ужъ не тѣ, съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Лѣса всѣ срублены. Бабочекъ почти не стало, а сегодня утромъ зяблики выхватили у меня прямо изъ клюва хорошую личинку. Среди птицъ начались разбои и грабежи. Необходимо работать вмѣстѣ. Полетимъ со мною въ лѣсъ. Ты будешь-мнѣ хорошей помощницей. Такая бѣдная птица, какъ я, не можетъ оставлять свою жену дома, чтобы она ничего не дѣлала. Всѣ должны трудиться. Ты не барыня!

— Какъ!--воскликнула она.—А воспитаніе дѣтей? Ты называешь это бездѣльемъ?

Они рѣзко поговорили между собой, но дѣло кончилось тѣмъ, что дроздыха согласилась и уступила:

— Хорошо!—сказала она.— Съ завтрашняго дня я буду тебѣ помогать.

И молодая чета стала работать вмѣстѣ и стала вмѣстѣ добывать для своего семейства пропитаніе. Они очень трудились. Но какъ-бы много они ни приносили корма, ихъ птенцы постоянно встрѣчали ихъ съ открытыми ртами, стараясь достать лучшей кусокъ и толкая другъ дружку.

Однажды дроздь со своей дроздохой, вернувшись изъ лѣсу, замѣтили большое волненіе среди своихъ ребятъ. Они сидѣли, опустивъ клювы, чего съ ними никогда не бывало, и всѣ разомъ пищали.

— Говорите по очереди!—сказала мать.—Иначе ничего нельзя понять! Что такое случилось! О чемъ вы пищите?

Они стали ей рассказывать по очереди и изъ ихъ словъ она поняла, что самый большой изъ птенцовъ сбросилъ самого маленькаго братишку изъ гнѣзда внизъ. Онъ упалъ прямо на траву, а въ это время прибѣжала лиса и съѣла его.

— Онъ первый сталъ меня толкать!—оправдывался самый большой птенецъ.—Я не виноватъ! Я только прикоснулся къ нему, а онъ и вывалился изъ гнѣзда!

— Подожди-же, я тебя проучу!—пригрозилъ ему отецъ.

И онъ уже подошелъ къ нему, чтобы ударить его клювомъ, но въ этотъ моментъ мать клюнула его самого въ щеку и съ силой оттянула своего верзилу-сынка назадъ.

— И тебѣ не стыдно, отецъ, такъ вести себя?—крикнула она.— Зачѣмъ ты обижаешь совершенно невиннаго ребенка? Ты долженъ понять, что онъ вовсе ни въ чемъ не виноватъ.

Поплакавъ немного надъ своимъ погибшимъ ребенкомъ, роди-

тели снова улетѣли въ лѣсъ за пищей.

Но горевать о погибшемъ имъ было некогда, потому что трое оставшихся, имѣли такой неутолимый голодь, что дроздь съ дроздохой иногда хотѣли даже отказаться отъ своихъ родительскихъ обязанностей. Большой птенецъ

гнѣздѣ только одного большого птенца.

— Гдѣ же твои братья?—спросила съ безпокойствомъ мать.

— Это не по моей винѣ, отвѣтилъ большой.— Они упали. Я только немного повернулся, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ упалъ; я очень испугался и нечаянно толк-

Кукушка.

продолжалъ расти и былъ вдвое больше другихъ. Птенцы жаловались, что онъ ихъ задавилъ въ гнѣздѣ совсѣмъ и отбираетъ у нихъ пищу.

Недѣлю спустя, въ семействѣ дроздовъ случилось новое происшествіе, причинившее имъ много горя. Однажды родители птенцовъ возвратились домой, и нашли въ

нуль другого, который тоже свалился на землю и оба убились. Опять пришла лиса и сожрала ихъ.

Мать и отецъ стали плакать отъ горя.

— Зачѣмъ мы выстроили такое маленькое гнѣздо? — печалились они. А впрочемъ, кто же могъ-бы предполагать, что у насъ родится такой здоровый болванъ? Вѣдь

только подумать, какъ онъ растеть! Бѣдныя, бѣдныя наши дѣтки!

— Не лишиться-бы намъ и этого, сказалъ дроздъ.—А то, пожалуй, отъ большого ума, вздумаетъ выброситься изъ гнѣзда и самъ!

И обратившись къ птенцу, онъ продолжалъ:

— Не забывай, что ты теперь у насъ единственное дитя.

Птенецъ вмѣсто отвѣта, пожралъ все, что принесли родители, и закричалъ:

— Еще, еще! Я такъ голодень!

Дрозды улетѣли, чтобы принести ему еще чего-нибудь поѣсть, но съ этихъ поръ имъ пришлось трудиться съ утра и до ночи: ихъ оставшійся дѣтинушка-птенецъ поѣдалъ корма гораздо больше, чѣмъ при жизни погибшихъ птенцовъ, но никогда не былъ удовлетворенъ. Онъ все росъ и росъ и, наконецъ сталъ такой большой птицей, что не могъ уже помѣститься въ гнѣздѣ и перелетѣлъ на сосѣдную вѣтку.

— Боже мой! Какъ можно быть такимъ неосторожнымъ!—воскликнула мать.—Вѣдь ты упадешь и сломаешь себѣ шею!

— Ты на меня всегда сердисься сказалъ птенецъ, надувшись.—Я не могу больше съ вами жить. Все, что я ни дѣлаю, для васъ—плохо, а я не могу поступать иначе... Есть у тебя что-нибудь поѣсть?

Съ большими усиліями мать и отецъ помогли своему птенцу слѣзть

на землю и посоветовали ему куда-нибудь спрятаться и не кричать, чтобы лиса не могла его найти и поймать. Они приносили ему чуть-ли не сто разъ въ день ѣду, но онъ все никакъ не могъ насытиться. Мало-по-малу хвостъ и крылья у него покрылись перьями и онъ уже свободно могъ летать по лужайкѣ.

Удивительно смѣшно было видѣть всѣхъ троихъ вмѣстѣ! Птенецъ былъ въ два раза больше, чѣмъ его отецъ и мать и, чтобы получить изъ ихъ клюва кормъ, онъ долженъ былъ сѣсть на брюхо, иначе они не достали-бы ему до рта. Перья его были темно-сѣраго цвѣта со свѣтлыми пятнами на груди и животѣ. Дроздъ долго разсматривалъ его.

— Онъ вовсе не похожъ на насъ, говорилъ онъ своей женѣ.—Мы вовсе не такого высокаго роста, да и перья у насъ черныя, а не пестрыя.

Мать съ гордостью смотрѣла на свое сокровище.

Однажды этотъ странный птенецъ поймалъ мохнатую гусеницу, ползавшую въ травѣ.

— Брось скорѣй!—закричала ему мать.—Это ядъ, ты умрешь отъ него! Ни одна изъ птицъ не ѣстъ мохнатыхъ гусеницъ!

— А я ихъ даже очень люблю и часто ѣмъ, отвѣтилъ спокойно верзила.—Мнѣ это нисколько не вредить. Не могу-же я довольство-

ваться тѣмъ, что вы мнѣ даете сами!

— Что за странный дроздъ!— говорилъ отецъ, качая головой.

— Это не дроздъ, сказала вдругъ рядомъ сидѣвшая малиновка.

— Какъ не дроздъ!?—удивился отецъ.—Развѣ моя дроздиха не сама снесла яйца? Развѣ мы не сами воспитывали этого молодца вмѣстѣ съ его сестрами и братьями, которые къ несчастью умерли?

— Умерли?—повторила малиновка съ злой усмѣшкой.—Ну, да! Какъ-же! Это старая штука! Насъ не проведешь!

— Въ чемъ? Какая штука?—оскорбился дроздъ.—Объяснисъ сейчасъ-же и расскажи мнѣ все!

И дроздъ сѣлъ рядомъ съ малиновкой и приготовился ее слушать. Его дроздиха тоже присоединилась къ нимъ, а птенецъ такъ и остался одинъ въ травѣ.

— Разказъ будетъ короткій,—сказала малиновка, но лучше, если его будетъ слушать побольше народу. Молодымъ всегда полезно послушать старшихъ.

Она громко крикнула своимъ тонкимъ голосомъ и тотчасъ-же прилетѣла масса малиновокъ, жаворонокъ, дроздовъ и другихъ птицъ, которыя размѣстились во кругъ нея.

— Знаете-ли вы сѣрую птицу, которая часто любитъ совать въ наши гнѣзда свой носъ?—спросила она у птицъ.

— Знаемъ, знаемъ!—послышались голоса.—Это кукушка!

— Да, вы угадали,—продолжала малиновка.—Это кукушка. Она походить на ястреба, но вреда намъ не причиняетъ, а только летаетъ по лѣсу и кричитъ „ку-ку“! Вы не повѣрите, но она даже не строить для своихъ дѣтей гнѣзда. Никогда она не сложитъ и двухъ соломинокъ; никогда она не высиживаетъ своихъ яицъ; никогда она не согрѣваетъ своихъ птенчиковъ въ холодныя ночи, никогда она ихъ даже не накормитъ, а все взваливаетъ на насъ и на насъ!

— Боже милосердный!—всплеснула крыльшками дроздиха.—Что-же она дѣлаетъ? Чѣмъ-же она бываетъ занята?

— Что она дѣлаетъ? Вы не знаете?—воскликнула малиновка.—Какъ только она снесетъ яйцо, такъ сейчасъ же относитъ его въ гнѣздо другихъ честныхъ птицъ. И мы высиживаемъ это ея яйцо, обращаемся съ ея птенчикомъ, какъ со своимъ роднымъ. А вы знаете какую благодарность мы получаемъ въ награду за свои заботы? Вотъ вамъ примѣръ: молодая кукушка отбирала у дѣтей вотъ этихъ самыхъ почтенныхъ дроздовъ всю ихъ пищу и, когда чуть-чуть окрѣпла, то первая-же выбросила ихъ изъ гнѣзда на землю, чтобы ей не было тѣсно. О, подлая!.. Впрочемъ, вотъ вамъ и вся исторія!

Полнолуние судно.

Довѣріе и коварство.

Сидѣвшія на вѣткахъ птицы за- волновались. Наши дрозды молча поглядывали на малиновку и со- дрогались отъ ужаса.

— Вотъ посмотрите на этихъ двухъ несчастныхъ птицъ, указала малиновка на дроздовъ. Они вос- питывали дочь кукушки. Посмо- трите, какъ они исхудали. Спро- сите-ка у нихъ, что стало съ ихъ собственными дѣтьми? А здѣсь въ травѣ роется ихъ питомица, которая не желаетъ ихъ вовсе знать и все больше и больше тре- буетъ отъ нихъ ѣды!

Всѣ птицы переглянулись и за- кричали:

— Убьемъ, убьемъ дочь кукушки!

И всѣ бросились на молодую кукушку.

— Это неправда!—закричала она и стала обороняться отъ нихъ и всѣхъ безъ разбора побивать сво- имъ крѣпкимъ клювомъ. Первымъ пострадалъ отъ нея маленькій ще- гленокъ, кричавшій больше всѣхъ. Позади всѣхъ шли дрозды. Удру- ченные только что полученной новостью, они все-таки просили оставить ихъ питомицу въ покоѣ, но отъ нея попало больше всего именно имъ. Съ ихъ расклеванныхъ головокъ струилась кровь.

— Она у насъ только одна, го- ворила дроздиха.—Я ее высижи- вала, кормила, воспитывала... Счи- тала ее, какъ родное дитя. И вотъ за всѣ мои ласки она по- била меня и моего бѣднаго мужа

и теперь намъ остается только умереть.

— Что? Много взяли?—кричала между тѣмъ расходившаяся кукуш- ка.—Я достаточно уже выросла, чтобы защитить себя. Я вижу, что вы всѣ противъ меня, и потому покидаю васъ навсегда!

Она взмахнула крыльями и скры- лась далеко за лѣсомъ.

Вотъ она уже пролетѣла чужіе лѣса, чужіе луга и очутилась въ далекихъ заморскихъ краяхъ.

И каждый разъ, какъ она сяди- лась отдохнуть, она вспоминала рассказъ малиновки и не могла его ни понять, ни повѣрить въ его правдивость. Чѣмъ она хуже всѣхъ другихъ птицъ? Почему род- ная мать подвергаетъ ее опасности? Ахъ, еслибы встрѣтить ее и раз- спросить ее обо всемъ!..

Между тѣмъ наступила зима.

Малиновки, дрозды, жаворонки и многія другія птицы потянулись на югъ, гдѣ солнце свѣтитъ при- вѣтливѣе и теплѣе и, гдѣ зелень на деревьяхъ не опадаетъ никогда.

Это было въ сочельникъ. Моло- дая кукушка сидѣла на вѣткѣ боль- шого дерева и печально смотрѣла вокругъ. Она не нашла свою мать, но и не забыла рассказа малинов- ки. Бездомная, она встрѣтила здѣсь еще трехъ кукушекъ, съ которыми случилась подобная-же исторія, и ей показалось, что она принадле- житъ къ какой-то особой прокля- той породѣ.

Ея печальныя мысли были нарушены шумомъ листьевъ и вдругъ передъ ней очутилась какая-то старая кукушка.

— Ты, кажется, очень недовольна, сказала она, внимательно осматривая ее.—Развѣ здѣсь не достаточно теплый климатъ? Или ты не находишь себѣ пищи?

— Я ищу мою мать, отвѣтила молодая кукушка.

Старуха спрыгнула съ вѣтки и подсѣла къ ней поближе:

— Можетъ быть, я и твоя мать? сказала она. Я тебя видѣла сегодня въ рощѣ и долго наблюдала за тобой. Мнѣ что-то подсказываетъ, что ты принадлежишь къ моей семьѣ.

— А если ты—моя мать, то значитъ у тебя нѣтъ совсѣмъ души! Развѣ родная мать поступила-бы такъ со своимъ ребенкомъ?

И молодая кукушка рассказала старой всю свою исторію. Старуха выслушала ее со вниманіемъ.

— Въ терновомъ кустарникѣ въ большомъ лѣсу?—спросила она, когда молодая кукушка кончила. Ну, конечно! Всѣ мелочи указываютъ на то, что ты—моя дочь. Какая-же ты большая и красивая!

И она съ гордостью оглядѣла ее со всѣхъ сторонъ и хотѣла ее приласкать.

— Не трогай меня!—воскликнула молодая кукушка, отодвигаясь отъ матери. Ты плохая мать и я тебя не люблю!

Старая кукушка съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Почему ты не выстроила для себя гнѣздо, какъ это дѣлаютъ всѣ честныя птицы?—продолжала молодая кукушка. Почему ты сама не высиживала своихъ яицъ? Почему ты не кормила своихъ дѣтей? Почему, почему?

Старуха наклонила голову.

— У каждого своя судьба,—грустно отвѣтила она.—У меня—моя судьба, такую создалъ меня Господь, и другою я быть не могу. Но подожди. Придетъ лѣто, ты тоже снесешь свое яйцо и поступишь точно такъ-же, какъ и я.

— Ты думаешь, что я буду вести такой-же образъ жизни, какъ и ты? сказала презрительно дочь.

— Неужели-же ты предполагаешь, что я не выстроила-бы себѣ гнѣзда и не хотѣла-бы, чтобы и мои дѣти были вмѣстѣ со мной до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ состояніи летать? Неужели ты думаешь, что я каждое лѣто подкидываю мои яйца въ чужія гнѣзда только для того, чтобы быть свободной и летѣть, куда хочу?

— А почему же ты поступала не такъ, какъ всѣ?

— Ну, такъ слушай, я объясню тебѣ все. Богъ создалъ насъ, кукушекъ, такъ, что каждое яйцо мы можемъ снести только разъ въ теченіи цѣлыхъ восьми дней. Этимъ-то мы и отличаемся отъ всѣхъ другихъ птицъ. При этомъ мы страшно

прожорливы и, чтобы быть сытыми, должны летать цѣлые дни съ мѣста на мѣсто и отыскивать себѣ кормъ. Пока-бы я снесла другое яйцо, первое уже испортилось-бы и остыло-бы и я не могла-бы высиживать изъ него птенца. Вотъ почему мы и принуждены подкидывать наши яйца въ теплыя гнѣзда другихъ птицъ.

— И это правда, что ты сказала? спросила дочь.

— Ну, конечно, отвѣтила мать, — ты можешь это впоследствии провѣрить сама!

— Значить, мы не виноваты ни въ чемъ?

— Нѣтъ, совѣсть у насъ чиста! А что касается пользы, приносит-

мой нами людямъ, то ни одна другая птица не можетъ сравниться съ нами: мы пожираемъ такихъ вредныхъ гусеницъ, какихъ не ѣсть ни одна птица. Мы такъ прожорливы, что каждая изъ насъ истребляетъ ихъ по нѣскольку сотенъ въ день.

Ночь вступала уже въ свои права. Обѣ птицы долгое время сидѣли, прислонясь другъ къ другу кѣ, и продолжали свою бесѣду.

Потомъ онѣ закрыли глаза и заснули. И имъ снились родина, лѣса и поля, рѣки и озера и широкое раздолье сѣверной природы, гдѣ можно было летать цѣлыя версты взадъ и впередъ и радостно кричать „ку-ку!“

По К. Эвальду Лія Ломась.

ЗИМНИМЪ ВЕЧЕРКОМЪ.

Въ гости къ бабушкѣ своей
Дѣтвора забралась...
Къ ночи снѣгъ пошелъ сильнѣй,
Вьюга разыгралась...
Но у бабушки тепломъ
Такъ и пышутъ печи
И старушка за столомъ
Зажигаетъ свѣчи.
— „Не ждала къ себѣ гостей!..—
— Все сижу, скучаю...
— Дѣтки, скушайте-жъ сластей,
Я налью вамъ чаю.“ —
Исчезаютъ шоколадъ,
Пряники, ватрушки...
Съ удовольствіемъ ѣдятъ
Дѣтки у старушки.
Выпить чай они спѣшатъ
И на блюдца дуютъ...

Вотъ старушку тормошатъ,
Треплютъ и цѣлуютъ.
— „Сказку!..—просить дѣтвора,—
Сказку расскажи намъ!..“
— „Спать-бы вамъ давно пора.—
Шли-бы вы къ перинамъ!..“
Какъ откажешь дѣтворѣ?..—
Внуки присмирѣли...
Вѣтеръ злится на дворѣ,
Слышенъ вой метели...
И старушка начала:
— „Слушайте-же, дѣти!
Фея добрая жила
Нѣкогда на свѣтѣ“...—
Самоваръ шумить... Тепло...
Сказкѣ внемлютъ дѣтки!..
За окномъ стучать въ стекло
Мерзлой липы вѣтки...
А. Н.

МОИСЕЙ.

Варя Некрасова была дочь богатыхъ родителей. Они жили въ старинной усадьбѣ, съ большимъ паркомъ, спускавшимся къ тихой, полноводной рѣкѣ, и дѣвочка имѣла возможность бѣгать по его усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ и по мягкой, бархатной травѣ. Цѣлые дни съ утра и до вечера, она проводила на воздухѣ, въ обществѣ двухъ своихъ подругъ Лизы и Нади. Онѣ приходили къ ней играть, обшивали ея куколь и плели вмѣстѣ съ нею вѣнки. Лиза была дочь ночного сторожа, который обходилъ съ колотушкой фруктовый садъ. Ея мать была прачкой и стирала на господѣ бѣлье. Надя-же была дочерью рыбака, цѣлые дни проводившаго на рѣкѣ. Несмотря на различіе положеній, всѣ три дѣвочки были очень дружны и Лиза и Надя каждый день пролѣзали сквозь дырки въ заборѣ и являлись въ обширный паркъ, составлявшій царство Вари. Здѣсь были укромные уголки, бесѣдки, мостики и дѣвочки затѣвали всевозможныя веселыя игры, какія только могла придумать фантазія ихъ избалованной маленькой хозяйки Вари.

Лиза и Надя рѣзко отличались одна отъ другой. Лиза во всемъ безпрекословно слушалась Варю, никогда не противилась ея жела-

ніямъ и поддакивала ей, тогда какъ Надя, живая, умная и практичная не по лѣтамъ, держала себя съ барышней самостоятельно и часто останавливала ее въ тѣхъ случаяхъ, когда та въ своихъ шалостяхъ заходила слишкомъ далеко. Но какъ бы то ни было, ихъ дружба была крѣпка и продолжалась до тѣхъ поръ пока Варю Некрасову не повезли вдругъ въ городъ и не отдали ее тамъ въ институтъ учиться. Всю зиму Варя провела врозь отъ Лизы и Нади и когда вернулась весною въ усадьбу, то пріѣхала туда не одна, а привезла съ собою изъ города еще и новыхъ подругъ, съ которыми и стала теперь бѣгать по парку. Теперь ужъ все измѣнилось. Сначала Лиза и Надя, обрадовавшіяся ея возвращенію, часто приходили къ ней, а потомъ стали появляться все рѣже и рѣже.

— Охота тебѣ водить знакомство съ дѣвочками изъ другого общества! говорили Варѣ ея институтскія подруги.

Лиза и Надя не могли не замѣчать охлажденія къ себѣ Вари и скоро перестали вовсе у нея бывать. Варя была дѣвочка не злая, но быстро подпадала подъ дурныя вліянія, и хотя и старалась заступаться за своихъ прежнихъ подругъ, но у нея изъ этого ничего не выходило. Пріѣзжія дѣвочки

рѣшили, что такъ какъ Лиза была податлива и всегда рабски старалась имъ всѣмъ угодить, то ей можно было позволить иногда приходить, на что Лиза охотно и согласилась. Не такова была Надя: такое рѣшеніе обидѣло ее, ей стало досадно и за Лизу, и за себя и она рѣшительно отказалась приходить въ усадьбу и съ тѣхъ поръ уже не появлялась ни разу въ обществѣ подругъ. Уединившись въ своей избушкѣ, она чинила отцовскія сѣти и такъ и рѣшила, что теперь между нею и Варей все кончено навсегда.

— Богъ съ нею! думала она.— Я не подхожу къ нимъ, она мной пренебрегаетъ, зачѣмъ-же я буду ей надоѣдать?

А Лиза, наоборотъ, брала своего маленькаго грудного братишку Фильку на руки, шла съ нимъ къ парку и садилась около дыры въ заборѣ, въ надеждѣ, что ее замѣтятъ дѣвочки и позволятъ ей съ ними поиграть. Въ такихъ случаяхъ она клала Фильку на траву и онъ спалъ все время, пока она играла съ Варей и ея подругами.

Однажды она пришла съ Филькой къ парку, сѣла у дыры и стала поджидать. Вдругъ по дорожкѣ, которая вела къ берегу рѣки, слышались голоса и шаги. Лиза заглянула сквозь заборъ. Впереди шла Варя и казалась скучавшей. Ея новыя подруги слѣдовали за ней и старались ее утѣшить.

— Ну, вотъ и не хорошо, что съ нами нѣтъ Лизы и Нади! говорила Варя. — Прежде, бывало, какую игру ни выдумаешь, всегда онѣ сразу поймутъ и начнутъ играть, а вы всѣ какія-то безтолковыя! Вы ничего не понимаете! Съ вами скучно!

Сердце у Лизы забилося. Неужели ее не замѣтятъ?

— А вонъ и Лиза съ Филькой сидятъ у забора! воскликнула вдругъ Варя.

И она свернула въ боковую аллею и быстро сбѣжала внизъ къ Лизѣ.

— Ты здѣсь? спросила она.— Отчего-же ты къ намъ не идешь?

Лиза робко опустила глаза и покраснѣла!

— А можно? спросила она.

— Ну, конечно, можно!

Тутъ подошли другія дѣвочки и стали разсматривать спавшаго Фильку.

— Какой хорошенькій!.. сказала одна изъ нихъ.— Спать!..

— А носикъ, какъ пуговка... сказала другая.

— А ручки! воскликнула третья.— Точно перетянуты ниточками... Вотъ прелесть! Дай, я его подержу!

Варя поглядѣла на Фильку, прищурилась, посмотрѣла на рѣку и камыши и мечтательно произнесла:

— Точно Моисей, котораго нашла дочь Фараона...

И вдругъ лицо ея оживилось и глаза заблестали.

— Знаете что? вдругъ воскликнула она съ восторгомъ. — Я придумала новую игру!

— Какую? спросили дѣвочки и окружили ее со всѣхъ сторонъ.

Варя самодовольно улыбнулась и свысока поглядѣла на подругъ.

— Мы будемъ играть въ Моисея!..

Дѣвочки переглянулись.

— А гдѣ-же мы его возьмемъ? спросили онѣ. — Какъ мы будемъ въ него играть?

— Лиза уступитъ намъ своего Фильку, начала Варя, — мы положимъ его въ люльку и спустимъ въ рѣку. Когда онъ застрянетъ въ зелени и камышахъ, то мы нарядимся въ египетскіе костюмы, придемъ сюда и найдемъ его. Это будетъ такъ интересно!

Лиза съ тревогой посмотрѣла на Фильку и прижала его къ себѣ.

— Я не дамъ бросать его въ воду!.. сказала она.

— Глупости! отвѣтила Варя. — Мы положимъ его въ камыши у самого берега!

— Но вѣдь его унесетъ теченіемъ! Что я тогда буду дѣлать? Нѣтъ, нѣтъ, я не отдамъ моего Фильку ни за что на свѣтѣ!..

Варя нахмурилась.

— Ты, Лиза, кажется, начинаешь возражать? сказала она.

Лизу испугалъ ея тонъ, она струсила и опустила глаза.

— Какая-же тутъ опасность? продолжала Варя. — Ты только доставишь мнѣ удовольствіе и больше ничего.

Лиза не рѣшалась.

— Ну, что тутъ въ сущности забавнаго?.. робко спросила она.

— Развѣ ты понимаешь? отвѣтила Варя. — Сиди ужъ и молчи! Для того, чтобы возражать, нужно хоть что-нибудь знать, а ты ровно ничего не знаешь про Моисея.

И, не дождавшись согласія отъ Лизы, она продолжала:

— Слушайте. Мы положимъ Фильку въ колыбель и спустимъ его на воду. Ты, Леночка, будешь дѣвушкой, которая нашла Моисея и доложила о немъ своей госпожѣ, дочери Фараона. Пойдемте одѣваться египтянками!

Лица у дѣвочекъ оживились.

— Египтянками?! воскликнули онѣ. — Вотъ хорошо-то! А какъ одѣвались египтянки? Во что намъ нарядиться? Что намъ надѣть?

Варя была въ восторгѣ отъ своей затѣи.

— Я всё знаю и все достану, сказала она. — Мы откроемъ священную исторію и какъ тамъ нарисовано на картинкѣ, такъ и одѣнемся. У мамы есть много разнаго стараго тряпья и мы нарядимся въ него, какъ нужно. Побѣжимте-же скорѣе! Я — дочь фараона, вы — мои подруги, а ты Леночка, — моя служанка. Одна изъ

— Какой хорошенькій!..

вась должна быть еврейкой. Ну, будь ею хоть ты, Мара!

— А ты мнѣ дашь юбку со шлейфомъ? спросила Мара.

— Со шлейфомъ? Нѣтъ! знатныхъ евреекъ тогда въ Египтѣ вовсе не было!

— Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ этой роли.

— Тогда мы обойдемся и безъ тебя!

И всѣ дѣвочки побѣжали въ домъ за Варей. Лиза со спящимъ младенцемъ на рукахъ, мучимая страхомъ и сомнѣніемъ, покорно брела позади и боязливо оглядывалась по сторонамъ. Дойдя до дома, Варя схватила ее за руку и потащила въ дѣтскую. Здѣсь она достала кукольную люльку и по-

ложила въ нее Фильку. Новый Моисей не чувствовалъ ничего и улыбался во снѣ.

Варя торжествовала.

— Ну, точь въ точь, какъ настоящій Моисей! воскликнула она. — Мы привяжемъ его къ люлкѣ лентами крестъ-на-крестъ. Это будетъ и красиво и крѣпко. Вотъ видишь, Лиза, какъ я осторожно! Тебѣ вовсе нѣчего бояться!

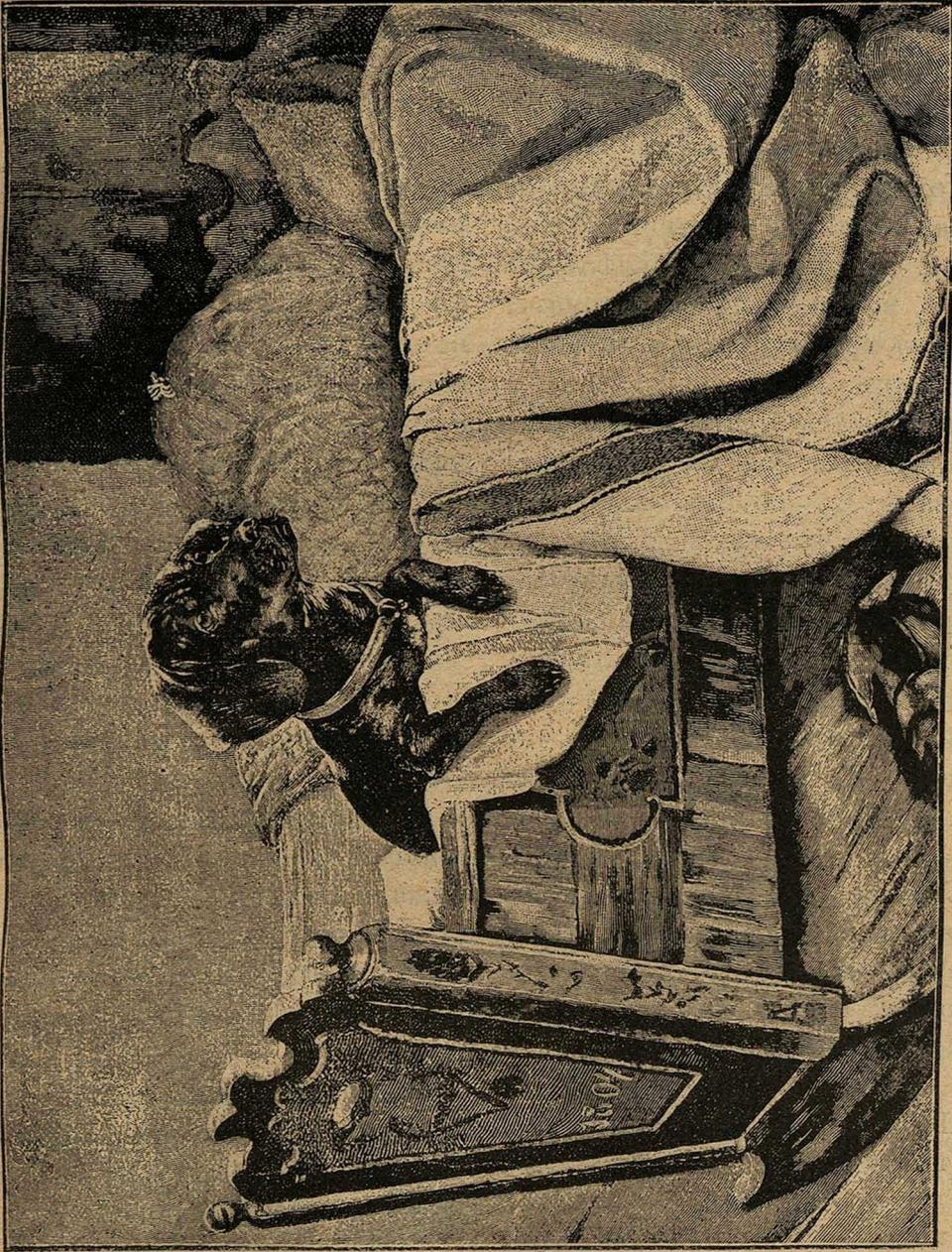
Лиза была робка, уступчива, а потому тотчасъ-же и согласилась съ Варей.

И онѣ побѣжали готовить себѣ египетскіе костюмы.

Спускался вечеръ. Солнце склонялось къ западу и косыми, оран-

Онѣ поставили люльку на воду и тихонько оттолкнули ее отъ берега.

Съ добрымъ утромъ.

жевыми лучами обливало паркъ, рѣку и далекіе луга, убѣгавшіе вдаль по ту ея сторону. Кричали коростели, въ далекой ржи выступивали перепела и во всѣхъ концахъ запѣли лягушки. Заныли комары и зажужжали жуки. Наступалъ одинъ изъ тѣхъ лѣтнихъ, милыхъ, теплыхъ вечеровъ, когда, кажется, всю ночь просидѣлъ-бы въ саду, все нюхалъ-бы ароматы и слушалъ крики птицъ и жужжанье насѣкомыхъ.

— Все готово? спросила Варя.

— Все! отвѣтили ея подруги.

И взявъ съ собою люльку съ младенцемъ и крадучись такъ, чтобы ихъ никто не замѣтилъ, дѣвочки побѣжали къ рѣкѣ. Дойдя до берега, онѣ поставили люльку на воду и тихонько оттолкнули ее палкой къ камышамъ. Люлька закачалась отъ толчка съ боку на бокъ и Филька плавно понесся вдоль рѣки.

— Сейчасъ онъ застрянетъ вонъ въ тѣхъ камышахъ! сказала Варя.

Мара покачала головой и бо-язливо отвѣтила:

— Напрасно мы затѣяли эту игру!

— Почему? воскликнула Варя.— Вотъ ты увидишь сейчасъ, какъ все выйдетъ хорошо!

По щекамъ у Лизы стали струиться слезы.

— Люлька покачивается... сказала она.

Варя измѣрила ее снисходиль-

нымъ взглядомъ и Лиза замолчала. Минуты черезъ двѣ люльку прибило течениемъ къ ближайшимъ камышамъ и она остановилась. Филька по прежнему безмятежно спалъ и не чувствовалъ ничего.

— Ну, а теперь пойдѣте одѣваться и разыгрывать эту исторію! сказала Варя.— Я пойду въ дѣтскую и сяду на тронъ. Ты, Леночка, будешь еврейкой и останешься здѣсь и будешь подглядывать за Моисеемъ, чтобы онъ не уплылъ, а вы всѣ остальные приходите ко мнѣ и приглашайте меня купаться на Ниль. Эта рѣка пусть будетъ у насъ Ниломъ. Вы придете ко мнѣ и скажете:— „Прекрасная дочь фараона, насталь ужъ вечеръ! Не захочешь-ли ты пойти купаться въ прохладныхъ струяхъ величественнаго Нила?“ Это буетъ такъ интересно!

Всѣ дѣвочки захопали въ ладоши и съ веселымъ визгомъ побѣжали къ дому. Уступчивая Лиза, повѣрившая, что все дѣйствительно такъ и будетъ интересно, какъ говорила Варя, побѣжала вслѣдъ за ними.

Въ дѣтской онѣ одѣлись. Варя сѣла на тронъ, устроенный изъ умывальника, и стала церемонно обмахиваться вѣеромъ.

— Ну, начинайте! сказала она.

Мара выступила впередъ и съ низкимъ поклономъ начала:

— Прекрасная дочь Фараона, сказала она,— насталь уже вечеръ...

Не захочешь-ли ты пойти купаться въ живительныхъ струяхъ величественной рѣчки Клѣтишни?

— Какой Клѣтишни?! возразила Варя.— Это здѣсь наша рѣка Клѣтишняя, а въ Египтѣ былъ Нилъ!

— ...Въ живительныхъ струяхъ величественнаго Нила! поправи- лась Мара.

Варя театральнo протянула руку впередъ.

— О, Мелисса, милая подруга, отвѣчала она,— хочешь-ли ты побѣжать сначала впередъ съ быстротой оленя и обозрѣть твсими зоркими, какъ у пантеры, глазами, нѣтъ-ли тамъ кого-нибудь по близости?

— О, прекрасная дочь моего великаго повелителя, продолжала Мара съ низкимъ поклономъ.— Берега Нила пустынны, на нихъ нѣтъ ни одного крокодила, лишь ходятъ священныя птицы Ибисы, да скотница Прасковья полощетъ бѣлье!

И въ то время, когда въ дѣтской происходило такое представленіе, Моисей-Филька зашевелился въ своей люлькѣ, она покачну- лась и ее мѣрно потянуло тече- ніемъ на средину рѣки. Леночка- еврейка сидѣла не на берегу, а въ дѣтской, и такимъ образомъ прозѣвала Моисея.

— Идите теперь за мной, ска- зала Варя.— Я иду къ Нилу, чтобы погрузиться въ его прохладныя струи.

Она сошла съ трона, одна изъ дѣвочекъ понесла за ней шлейфъ, другая раскрыла надъ нею зон- тикъ, хотя солнце уже зашло и наступалъ вечеръ, а остальные шли съ кувшинами и полотенцами впереди.

Дойдя до священной рѣки Нила, а по просту до рѣки Клѣтишни, дѣвочки остановились и оглядѣлись по сторонамъ.

— А гдѣ-же Филька? — съ тре- вогой спросили онѣ одна другую.

Новый Моисей уже былъ далеко на срединѣ рѣки и его несло те- ченіемъ туда, куда еще ни разу не доплывали во время купанья ни сама Варя, ни ея подруги. У Лизы похолодѣло подъ сердцемъ.

— Филя! Филя! — закричала она въ отчаяніи.— Гдѣ ты?

Она съ тревогой забѣгала взадъ и впередъ, но ни у берега, ни въ камыпахъ, ни въ далекомъ кустар- никѣ не было видно ничего. Варя широко открыла глаза, глядѣла на воду и въ ужасѣ позабыла, что она дочь Фараона и пришла ку- паться. Остальные дѣвочки, какъ испуганныя овечки, столпились въ кучку и прижались одна къ другой.

— Филя! Филя! — закричала Ли- за.— Господи, что-же теперь будетъ? Куда онъ могъ дѣваться?

И всѣмъ въ голову пришла страш- ная мысль, что онъ утонулъ.

Что оставалось дѣлать? Бросать- ся въ воду и плыть невѣдомо куда? Бѣжать поскорѣе въ домъ и обо

всемъ разсказать старшимъ, чтобы подвергнуться затѣмъ наказанію?..

— Но что-же вы стоите?..— обратилась вдругъ Варя къ подругамъ.— Говорите-же скорѣе, что дѣлать? Какъ быть?

Она была блѣдна, лицо ея искажилось страхомъ и губы ея дрожали.

— Господи, говорила она и ломала себѣ руки, зачѣмъ я затѣяла эту глупую игру? Почему вы меня во-время не остановили?

И ей было досадно и на себя, и на нихъ и захотѣлось вдругъ упасть на землю, кричать и стучать отъ горя ногами.

— Почему вы не удержали меня? — плакала она. — Почему вы меня не остановили?

И вдругъ ей пришла въ голову мысль, что если-бы съ ней была тогда Надя, та самая Нядя, съ которой она поступила такъ высокоумно, что разошлась съ нею навсегда, то эта бѣдная дочь рыбака никогда не допустила-бы ее сдѣлать такую тяжкую глупость и навѣрное нашлась-бы и теперь, если-бы была здѣсь. Да, Надя поможетъ ей, она дастъ ей совѣтъ, какъ поступить, она сразу сообразитъ, въ чемъ дѣло и какъ спасти ребенка, если онъ еще живъ и еще плыветъ гдѣ-нибудь по рѣкѣ.

Лицо Вари вдругъ оживилось надеждой и она побѣжала къ той дырѣ въ заборѣ, черезъ которую всегда пролѣзала къ ней эта глупенькая Лиза, потерявшая теперь

голову такъ-же, какъ и всѣ, и вылѣзла изъ нея на лугъ. Отчаяніе придавало ей силы и, сорвавъ съ себя свой нелѣпый шлейфъ, она со всѣхъ ногъ побѣжала къ избушкѣ рыбака, прикорнувшей въ полуверстѣ отъ парка на берегу рѣки.

— Я помирюсь съ ней,— шептала она дорогой.— Я попрошу у нея прощенія, я сознаюсь искренно въ своей винѣ...

Она бѣжала, то спотыкаясь, то падая, то поднимаясь вновь и чувствовала, что вотъ-вотъ дыханіе у нея прервется и она лишится чувствъ и упадетъ на траву.

— Господи, помоги мнѣ добѣжать!..— молилась она.— Дай, Боженька, мнѣ силъ, чтобы я бѣжала скорѣе! А что, если Надя все еще обижается на меня и не согласится намъ помочь?

И эта мысль пугала ее и холодомъ леденила ея сердце. Она тяжело дышала, еле переводила духъ, ноги у нея заплетались, а издалека до ея слуха доносились отчаянные вопли Лизы:

— Филя! Филя!

Надя сидѣла у себя въ избушкѣ и починала отцовскія сѣти. Она давно уже не была въ усадьбѣ, думала о Варѣ, ей хотѣлось съ ней повидаться, и было больно и тяжело, что ее забыли и такъ грубо оттолкнули. Она хмурилась, вздыхала и ея руки работали на этотъ разъ медленно и неловко.

„Почему Варя такъ перемѣнилась ко мнѣ?“—думала она.—„Что я ей сдѣлала? Неужели она больше не вспомнить обо мнѣ и мы разошлись уже навсегда?“

Она любила Варю, скучала по ней и ей было тяжело, что онѣ не видались уже такъ долго и что ихъ дружбѣ, повидимому, пришелъ уже конецъ.

„Нѣтъ, она позабыла меня!“—рѣшила Надя.—„Она больше ужъ не пожелаетъ меня видѣть“...

Но въ это время отворилась дверь и въ избушку вбѣжала Варя въ разорванномъ и сбившемся на стороны египетскомъ костюмѣ. Съ громкимъ плачемъ она кинулась Надѣ на шею.

— Варя, милая, что съ тобой?—воскликнула Надя и лицо ея вспыхнуло отъ радости.—Отчего ты такъ плачешь?

— Надечка, Надя!—закричала въ отвѣтъ Варя.—Спаси меня, иначе я погибла!

Надя ничего не понимала и вопросительно поглядѣла на подругу.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она наконецъ.—Что случилось?

— Мы утопили маленькаго Фильку...

Она упала головою на грудь Надѣ и зарыдала, какъ малое дитя.

— Да расскажи-же мнѣ все! Въ чемъ дѣло?—заторопила ее Надя.—Успокойся немного и расскажи. Я ничего не понимаю.

Варя подняла голову и, боясь

взглянуть Надѣ въ глаза, стала рассказывать, какъ она съ подругами затѣяла игру въ Моисея, какъ онѣ положили Фильку въ люльку и спустили его на воду и какъ, возвратясь обратно къ рѣкѣ, не нашли его около берега.

— Что теперь дѣлать?—всплиывала она.—Что теперь дѣлать? Если онъ не найдется, то я съ горя и отчаянія умру!

Надя поблѣднѣла, лицо ея сдѣлалось серьезнымъ и въ глазахъ сверкнула рѣшимость.

— Въ какомъ мѣстѣ вы спустили люльку на воду?—спросила она Варю.

— Около камышей, недалеко отъ нашего парка...

Надя набросила на плечи плащъ и схватила ее за руку.

— Бѣжимъ!—сказала она.

И обѣ дѣвочки, что было силъ, побѣжали къ берегу.

У куста лозняка была привязана лодка. Надя вскочила въ нее и стала разматывать цѣпь, которой она была прикрѣплена къ кусту.

— Помоги мнѣ отвязать скорѣе цѣпь!—сказала она.—Вотъ такъ!... А теперь бѣги поскорѣе домой и скажи тамъ всѣмъ. Грѣхъ скрывать отъ старшихъ... Пусть они всѣ сбѣгутся къ рѣкѣ и принимаютъ мѣры... Прощай!..

Она взмахнула веслами, привычно стала грести ими по водѣ и понеслась вдоль рѣки, какъ птица. И пока она плыла внизъ, въ

ту сторону, куда уносило течениемъ Фильку, Варя изъ всѣхъ силъ бѣжала вдоль берега домой, крестилась и повторяла:

— Господи, прости меня!.. Господи, спаси его и не дай ему утонуть!..

Она прибѣжала домой, но не застала тамъ уже никого. Всѣ были на берегу, суетились, кричали, развертывали неводъ, чтобы ловить имъ Филю, если онъ уже утонулъ, и размахивали руками. Мать Вари, вся въ слезахъ, стояла на берегу и испуганными глазами глядѣла на рѣку. Лиза всплескивала руками и все повторяла:

— „Филя! Филя!“

Дѣвочки въ испугѣ столпились въ кучку. Отецъ громко отдавалъ приказанія мужикамъ, которые сбросили съ себя рубашки и сапоги и въ однихъ панталонахъ готовы уже были войти въ рѣку. Мать Филя, прачка Прасковья, каталась по берегу, причитала и выла.

А Филя все плылъ и плылъ и спокойными, довѣрчивыми глазами смотрѣлъ на небо и на румяныя отъ заката облачка. Ему было удобно и стоило только пошевелиться, какъ его люлька начинала качаться съ боку на бокъ и походило на то, будто его качала сама его мать. Одно только было нехорошо: ему хотѣлось ѣсть, а его мать гдѣ-то задержалась и не приходила, чтобы дать ему пососать.

Верстахъ въ двухъ ниже усадьбы былъ островъ, раздѣлявшій рѣку на два рукава; въ одномъ изъ нихъ былъ такой водоворотъ, что плыть черезъ него не представлялось возможности. Если люлька съ младенцемъ поплыветъ тамъ, по этому течению, то прежде чѣмъ Надя догонитъ ее, спасенія нѣтъ. Это Надя знала и знали всѣ въ усадьбѣ, и даже дѣти, и потому страхъ и напряженіе усиливались съ каждой минутой.

— Запрягайте поскорѣ лошадей!—раздались голоса.—Пошлите верхового къ тому мѣсту, чтобы онъ могъ догнать ребенка, если его отнесло уже туда. Пусть онъ скачетъ вдоль берега и глядитъ!

— Я поѣду туда сама!—рѣшила мать Нади и побѣжала къ усадьбѣ. Варя послѣдовала за ней.

Между тѣмъ вечеръ спускался все ниже и шире и наступили сумерки. Заквакали повсюду лягушки, которымъ ни до чего не было дѣла, заѣли соловьи и замычало возвратившееся съ поля стадо. Надя взмахивала веслами, работала изо всѣхъ силъ; съ нея катился градомъ потъ, ея дѣтскія руки уже отказывались ей служить, но она не давала себѣ воли и все гребла и гребла. Мимо нея тянулись берега, камыши и кусты, ее больно жалили въ шею и въ руки комары, но она не обращала на нихъ вниманія и все ближе и ближе подплывала къ водовороту. Если она

— Спасень!

не увидитъ сейчасъ, за этимъ поворотомъ колыбели, то значить, Филька уже погибъ. Надя задыхалась, со страхомъ озиралась по сторонамъ, ей нужна была хоть чья-нибудь помощь, но всюду было пусто. Все равно ея крика не услышалъ бы никто. А она такъ устала! Но вотъ ужъ и поворотъ. Она напрягла послѣднія силы и понеслась, какъ стрѣла.

И вдругъ—о, счастье!—она увидела впереди, на гладкой поверхности рѣки какую-то черную точку. Что это? Обрубокъ дерева, пенекъ, или желанная колыбель? Надя взглянула и сквозь сумерки увидела, что это дѣйствительно была колыбель. Изъ нея уже доносился плачь Фильки, хотѣвшаго ѣсть, и этотъ плачь, какъ побѣдная пѣснь, прозвучалъ въ ушахъ дѣвочки. Теперь отъ нея уже зависитъ все: и жизнь ребенка, и счастье и спокойствіе ея подруги Вари. Она гребетъ изъ всѣхъ силъ, люлька уже близко, ее несетъ налѣво къ водовороту, но лодка уже нагоняетъ ее. Надя бросаетъ вес-

ла, наклоняется надъ ней и дрожащими отъ напряженія и волненія руками хватается люльку и ставитъ ее на лавку передъ собой. Еще минута и было-бы поздно...

— Спасень!.. шепчетъ въ безспіи Надя.— Спасень!..

Филька третъ себѣ кулачкомъ носъ. Надя освобождаетъ его изъ люльки, бросаетъ ее въ воду и прижимаетъ ребенка къ себѣ. Люлька стремительно несется къ водовороту. Но и лодку тоже влечетъ туда-же. Надя кладетъ ребенка къ своимъ ногамъ, дѣлаетъ взмахъ веслами и пристаетъ къ берегу. Она уже не можетъ вернуться обратно къ усадьбѣ. У нея уже не хватаетъ больше силъ... Еще минута и она лишится чувствъ. Но лодка уже прочно стоитъ у берега и Надѣ нужно только отдохнуть.

— Господи, помоги мнѣ!.. шепчетъ она.— Дай, чтобы у меня не звенѣло такъ въ ушахъ и не кружилась голова.

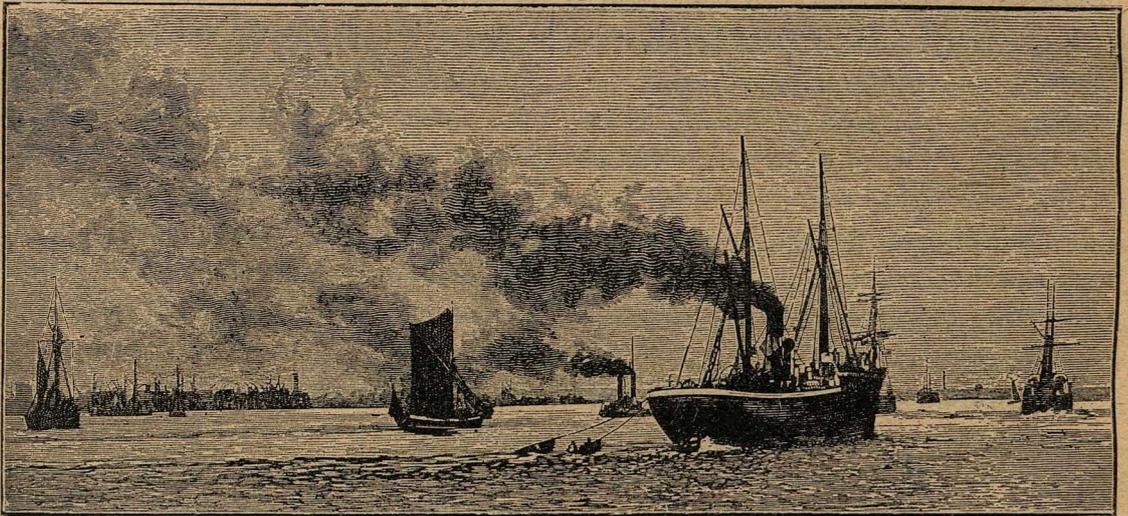
— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Я нашла его!

Но въ это время слышится вдругъ стукъ колесъ. По берегу, прямо по травѣ, во весь духъ мчится экипажъ, посланный изъ усадьбы къ водовороту. Надя слышитъ его, дѣлаетъ надъ собой усиліе, вскакиваетъ на ноги, хватаетъ ребенка, и поднимаетъ его кверху.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! кричитъ она.— Я нашла его! Скорѣ сюда! Скорѣ!

но кладетъ ее въ экипажъ. Она открываетъ глаза, улыбается и только можетъ произнести:— „Онъ спасенъ!..“ Варя бросается къ ней, прижимаетъ ее къ себѣ и, пока экипажъ возвращается въ усадьбу, плачетъ, плачетъ безъ конца.

А затѣмъ они пріѣзжаютъ домой. Надя уже совсѣмъ пришла въ себя и когда экипажъ подкачивается къ дому, она скромно вы-

Въ дальній путь.

Но силы измѣняютъ ей, въ ухахъ у нея звенить, шумить, деревья и кустарники прыгаютъ у нея въ глазахъ, она только успѣваетъ положить ребенка на траву и сама валится на дно лодки и лишается чувствъ.

Подѣзжаетъ экипажъ, изъ него выходятъ Варя и ея мать и, увидѣвъ ребенка и Надю, бросаются къ нимъ и начинаютъ отъ радости плакать. Кучеръ слѣзаетъ съ козелъ, беретъ на руки Надю и нѣж-

лѣзаетъ изъ него и скромно плетется къ себѣ домой.

— Надя, ты куда? спрашиваетъ ее Варя.

— Домой, къ отцу... просто отвѣчаетъ она.

Варя вопросительно смотритъ на мать.

Ея мама понимаетъ ее и, догнавши Надю, схватываетъ ее за руку, и ведетъ ее назадъ.

— Тебѣ не зачѣмъ уходить домой, говоритъ она. — Я пошлю сей-

часъ за твоимъ отцомъ и расскажу ему все. У тебя нѣтъ матери, ты сирота, и навсегда останешься у насъ. Ты будешь мнѣ вторая дочь.

Варя не вѣритъ своимъ ушамъ.
— Значить, теперь Надя будетъ

моей сестрой? спрашиваетъ она у мамы.

— Да, отвѣчаетъ ея мать.—И ты должна гордиться такой сестрой!

Надя и Варя обнимаются и со звонкимъ, счастливымъ смѣхомъ убѣгаютъ въ домъ.

М. Валдайцевъ.

ВЕСНА ИДЕТЬ!

Да, да!.. Весна идетъ!.. Грачи ужъ прилетѣли,
Ручьи бѣгутъ, оттаяла земля,
Теперь чрезъ двѣ иль три недѣли
Зазеленѣютъ и поля.

Весна, весна идетъ!.. На вишняхъ бухнуть почки,
Ужъ дождь прошелъ прозрачной кисеей
И на проталинкахъ какіе-то цвѣточки
Ужъ зацвѣли голубенькой семьей.

И хочется пойти съ лопатою на грядки,
Копать, пахать, приняться за труды...
Весна идетъ!.. Ужъ плещутся ребятки
Въ канавкахъ и ручьяхъ и въ лужицахъ воды.

Кузнечикъ.

ВАСИЛИСА У БАБЫ-ЯГИ.

Дѣтская пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ и танцами.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Мачеха.

Василиса, ея падчерица

Дуня, ея дочь

Куколка Василисы

Баба-Яга

Зайчикъ

Русалки

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Крестьянская изба. У окошка сидитъ Василиса и шьетъ.

ВАСИЛИСА [поетъ].
Въ лютомъ горѣ безъ родимой
я веселье трачу.
Только станетъ сердцу легче,
—какъ пойду поплачу.

Тяжко, тяжело безъ родимой,
безъ отца родного.
Какъ былинкѣ на припекѣ—
безъ росы, безъ крова!
Плохо жить на свѣтѣ сиротинкѣ

безъ родимой матушки. Некому приласкать, приголубить... Мачеха меня бранить, упрекаетъ, сестрица Дуня обижаетъ... Одно мое утѣшеніе— это куколка, матушкинъ подарокъ. [Беретъ Куколку на руки, садится на скамейку и даетъ ей ѣсть]. Кушай, куколка, моего горюшка послушай... Какъ мнѣ мачехѣ угодить?.. Какъ сестрицѣ не досадить? [Куколка ѣсть и шепчетъ что то на ушко Василисѣ]. Спасибо, куколка, утѣшила ты меня!.. [за сценой шаги]. Никакъ мачеха идетъ!.. [Убѣгаетъ съ Куколкой, возвращается уже безъ нея и опять садится за шитье].

МАЧЕХА [за ней Дуня]. Ты что же это, лѣнтаяка?.. Опять мало нашла?.. Все бы ей глупыя пѣсни распѣвать, да въ окошко глядѣть... А какъ до дѣла дойдетъ, такъ будто ее и не касается! А ты что дѣлаешь, доченька? [подходить къ Дунѣ, которая съела за пальцы].

ДУНЯ. Я косыночку плету, матушка. Посмотри, какая хорошенькая.

МАЧЕХА. Ахъ, ты моя рукодѣльница! [цѣлуетъ ее]. Пора ужинать, да и спать ложиться... [покрываетъ столъ скатертью]. Совсѣмъ стемнѣло... Куда я спички-то сунула? Надо бы огонь зажечь [ходить, ищетъ]. Ты не видѣла, Дуня, куда я спички положила?

ДУНЯ. Нѣтъ, не видала.

МАЧЕХА. Вотъ бѣда-то! Надо къ сосѣдямъ за огнемъ идти.

ДУНЯ. Я не пойду. Мнѣ и отъ булавокъ свѣтло...

МАЧЕХА. Ну, такъ иди ты, Василиса... Только ужъ не къ сосѣдямъ, а подальше. Иди ты въ большой лѣсъ... Посреди лѣса стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. И въ той избушкѣ живетъ баба-яга, костяная нога... Вотъ у этой-то

бабы-яги ты и попроси огонька... [смѣется].

ВАСИЛИСА. [встаетъ]. Матушка, какъ я пойду ночью въ лѣсъ, вѣдь тамъ темно?.. Я боюсь! [плачетъ].

МАЧЕХА. Ты что-же это? Разсуждать вздумала, когда тебѣ приказываютъ?.. Иди, иди, нечего упираться!.. [выталкиваетъ ее].

ВАСИЛИСА [въ сторону]. Возьму съ собой свою Куколку и побреду, куда глядятъ глаза!.. [уходитъ].

ДУНЯ. Матушка, вѣдь баба-яга ее съѣстъ!?

МАЧЕХА. Ну, подѣломъ ей: пусть по лѣсу ночью побродитъ. —Надоѣла мнѣ хуже горькой рѣдьки: все поетъ, да вздыхаетъ!.. Ну, а теперь давай ужинать, дочка. [садятся за столъ].

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Полянка среди лѣса. Посрединѣ кустикъ. Темно... Василиса ведетъ за руку Куколку и еле бредетъ.

ВАСИЛИСА. Боже мой, какъ я устала!.. Ноги такъ ломить, что едва иду... а избушки бабы-яги— все не видно... Хоть бы прилечь гдѣ нибудь, да заснуть немножко. —Вотъ кажется кустикъ, ляжемъ тутъ и, отдохнемъ [ложится]. Страшно въ лѣсу!.. То лѣшій захохочетъ, то застонетъ кто-то... начнетъ аукаться, да такъ страшно, что волосы на головѣ шевелятся!..

КУКОЛКА. Не бойся, Василисушка, спи спокойно.

ВАСИЛИСА. Какъ хорошо мнѣ сейчасъ стало: точно матушка меня своей бѣлой рукой погладила. [Засыпаетъ. Сцена освѣщается голубымъ свѣтомъ... Слышится тихая музыка... Цѣлая вереница русалокъ въ бѣлыхъ, легкихъ костюмахъ, держась за руки, медленно выходитъ и хоромомъ идетъ по лужайкѣ, вокругъ куста, подъ которымъ спитъ Василиса].

ПЕРВАЯ РУСАЛКА. Сестрицы,

какъ здѣсь хорошо... Какъ мѣсяцъ ярко свѣтитъ!..

ВТОРАЯ РУСАЛКА. Какое небо синее!..

ТРЕТЬЯ РУСАЛКА. Какъ звѣзды блестятъ и сверкаютъ!..

ЧЕТВЕРТАЯ РУСАЛКА. Какъ воздухъ прозраченъ!

ПЯТАЯ РУСАЛКА. Сестрицы, смотрите: сова сидитъ на елкѣ. Она на насъ смотритъ!

ПЕРВАЯ РУСАЛКА. [наклоняется надъ Василисой]. Сестрицы, посмотрите: подъ кустикомъ спитъ дѣвочка!

ВТОРАЯ РУСАЛКА. [наклоняется]. У ней на глазахъ слезы: она плакала!

ТРЕТЬЯ РУСАЛКА. Бѣдная! Вѣрно какая-нибудь злая мачеха обидѣла ее! А какая у нея хорошенькая куколка! Глядите сюда!

ВСѢ РУСАЛКИ. Ахъ, какая она интересная! [хватаютъ Куколку на руки и начинаютъ цѣловать].

КУКОЛКА [просыпается]. Здравствуйте, дорогія русалочки! Какъ у васъ здѣсь хорошо! Какія вы всѣ милыя!

ПЕРВАЯ РУСАЛКА. Зачѣмъ ты здѣсь? Какъ ты сюда попала?

КУКОЛКА. Меня привела сюда моя хозяйшка Василиса.

ВТОРАЯ РУСАЛКА. Куда-же вы идете?

КУКОЛКА. Злая мачеха послала Василису къ бабѣ-ягѣ за огнемъ. Она хочетъ избавиться отъ нея и послала ее затѣмъ, чтобы баба-яга ее съѣла!

ТРЕТЬЯ РУСАЛКА. Ахъ, какая она злая!

КУКОЛКА. Спасите ее! Избавьте ее отъ бабы-яги!

ТРЕТЬЯ РУСАЛКА. Въ самомъ

дѣлѣ, сестрицы! Давайте ее спасемъ!

ВСѢ РУСАЛКИ. Давайте, давайте! [окружаютъ Василису].

ПЕРВАЯ РУСАЛКА. Пусть никакая злая сила не тронетъ тебя! [цѣлуетъ дѣвочку].

ВТОРАЯ РУСАЛКА. Сестрицы, мы будемъ ее охранять!

ВСѢ РУСАЛКИ. [тихо]. Да... Да... будемъ охранять!..

ПЕРВАЯ РУСАЛКА [къ Куколкѣ]. Вотъ тебѣ аленькій цвѣточекъ! Возьми его съ собой и какъ только баба-яга захочетъ Василису съѣсть, такъ ты тотчасъ-же достань его и покажи его Бабѣ-Ягѣ! Это цвѣточекъ заколдованный. Онъ охраняетъ человѣка отъ всякаго зла.

КУКОЛКА [беретъ цвѣточекъ и кланяется]. Спасибо вамъ, русалочки! [возвращается къ Василисѣ].

Русалки съ пѣніемъ медленно уходятъ вереницей. Пѣніе ихъ постепенно стихаетъ и переходитъ въ ауканье.

ВАСИЛИСА — [просыпается]. Что это?.. Мнѣ кажется, будто кто-то пѣлъ здѣсь?.. Или это было во снѣ? [за сценой слышенъ грубый голосъ: Но... Но!..] Боже мой, какъ страшно! опять кто-то пугаетъ меня! [прячется подъ кустикъ].

[Баба-Яга входитъ. Она держитъ въ одной рукѣ веревку, къ которой привязанъ Заяцъ, а въ другой корзинку].

БАБА-ЯГА. Но!.. Пошевеливайся, косой!.. [Бродитъ по сценѣ, собираетъ травы въ корзиночку и что-то бормочетъ].

Пора, пора идти домой: скоро ужъ день настанетъ... [ворчитъ и уходитъ съ Зайчикомъ].

ВАСИЛИСА. Это навѣрно была Баба-Яга... Боже мой, какъ страшно, все-таки надо идти!.. Домой безъ огня меня не пустятъ! [идетъ вслѣдъ за Бабой-Ягой и ведетъ съ собой и Куколку].

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

[Избушка бабы-яги. Въ углу печка. У задней стѣны столъ, подъ которымъ сидитъ привязанный Зайчикъ. Сушатся пучки травъ. На треножничкѣ котелокъ... Баба-яга ходитъ по избушкѣ, бормочетъ,—бросаетъ Зайчику морковку, выдергиваетъ изъ каждаго пучка по травкѣ, бросаетъ ихъ въ котелокъ, мѣшаетъ въ немъ длинной ложкой и размахиваетъ многозначительно руками надъ котелкомъ].

БАБА-ЯГА. [ходитъ вокругъ треножника]. На морѣ океанѣ... на островѣ Буянѣ... лежитъ горючъ камень алатырь... [защелкаетъ стучать]. Кто тамъ?.. Входи!.. [входитъ Василиса съ Куколкой].

Василиса. Здравствуй, Бабушка. Меня матушка послала къ тебѣ за огонькомъ.

БАБА-ЯГА. Зао-гонь-комъ?.. [подходить къ ней, беретъ Куколку на руки, щупаетъ ее и снова опускаетъ на полъ. Въ сторону]: Славное у меня будетъ сегодня жаркое!.. [громко]. Такъ! Такъ!.. Ты за огонькомъ пришла?.. Но ты еще должна его заслужить, дѣвушка... Вотъ тамъ [показываетъ на дверь въ сосѣднюю горницу] я начала коверъ ткать... Ты должна мнѣ его кончить, голубушка. И какова будетъ твоя работа,—такова будетъ и награда... Такъ-то!.. Ну, я пойду въ лѣсъ за травами, а ты стереги избушку, да смотри: чтобы къ вечеру коверъ былъ вытканъ, а то съѣмъ тебя!.. [стучитъ костью и уходитъ].

Василиса [заглядываетъ въ сосѣднюю комнату, садится у стола и плачетъ] Бѣдная я, горемычная!.. Какъ я вытку такой большой коверъ?.. Съѣстъ меня Баба-Яга!.. Некому мнѣ помочь!..

Куколка. Не плачь, Василисушка, все будетъ сдѣлано!..

Зайчикъ. Василисушка, выпусти меня, отвяжи меня, а я тебѣ обратную дорожку домой покажу...

Василиса. Зайчикъ, бѣдный ты мой зайчикъ! [отвязываетъ его отъ стола].

Зайчикъ. Спасибо, Василиса, —прощай пока! [убѣгаетъ].

Василиса. Прощай, зайчикъ!.. Ахъ, какъ я устала, и какъ мнѣ спать хочется!.. [ложится головой на столъ и засыпаетъ].

Куколка. [вынимаетъ цвѣточекъ и обмахиваетъ имъ Василису со всѣхъ сторонъ]. Спи, не бойся! Тебя не тронетъ никто! А коверъ я пойду сейчасъ ткать сама [уходитъ въ сосѣдную комнату и скоро возвращается]. Коверъ уже готовъ. Я вышила его весь!

БАБА-ЯГА [входитъ, стуча костью]. Ты никакъ дрыхнешь, лѣнтяйка?.. Посмотрю-ка, много-ли ты работала? [идетъ въ сосѣдную комнату и выноситъ оттуда коверъ]. Рукодѣльница, рукодѣльница, ты, дѣвушка!.. [подходить къ ней и заглядываетъ ей въ лицо] Кто же это тебѣ помогаетъ?..

Василиса. Должно быть матушкино благословеніе!

БАБА-ЯГА. Благо-сло-веніе?.. Не надо мнѣ тѣхъ, кого мать благословила!..

Куколка [вынимаетъ цвѣточекъ и машетъ имъ на Бабу-Ягу]. А это тебѣ нравится?

БАБА-ЯГА [платитъ отъ нея со страхомъ назадъ]. Ой-ой-ой! Батюшки! Откуда вы взяли этотъ цвѣтокъ? Теперь моя смерть пришла! Отпустите мою душеньку на покаяніе! Я все сдѣлаю, чего только вы ни захотите! Ой-ой-ой!

Василиса. Бабушка, ты мнѣ обѣщала дать огонька...

БАБА-ЯГА. Вонъ тамъ въ углу фонарь... Возьми его и уходи! Уходи только поскорѣе! Оставь меня одну!

Василиса, [беретъ фонарь]. Спасибо бабушка!

БАБА-ЯГА. Уходи-же! уходи! Скорѣ!.. Иначе я совсѣмъ пропаду! [Василиса уходитъ].

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛѢСЪ. Вечеръ. Василиса съ краснымъ фонаремъ въ рукѣ, оглядывается по сторонамъ. Впереди Зайчикъ указываетъ ей лапкой путь. Изъ-за деревьевъ киваютъ русалки.

РУСАЛКИ [тихо и протяжно]. Василиса! Иди смѣло! Мы будемъ тебя охранять!.. охранять!.. охранять! [Пляшутъ вокругъ Василисы и тихо поютъ. Она проходить направо].

ДУНЯ И МАЧЕХА — [за сценой]. Ау!.. Ау!.. Василиса, гдѣ ты?.. [Выходятъ на сцену].

РУСАЛКИ. Злюки! Злюки! Злюки! [уходятъ].

ДУНЯ. Слышишь, матушка, насъ кто-то злюками обзываетъ? Это все изъ-за тебя! Ты прогнала Василису ночью въ лѣсъ, — вотъ Баба-Яга и съѣла ее! [плачетъ].

МАЧЕХА. Нѣтъ, это ты сама виновата! Я хотѣла тебя за огнемъ послать, а ты не пошла, сказала, что тебѣ свѣтло и отъ булавокъ.

ДУНЯ. Ты ее притѣсняла, бранила напрасно, даже била... Вотъ теперь и нѣтъ у насъ Василисы! Кто будетъ теперь мою постельку оправлять, кто теперь будетъ мою комнату убирать?.. [плачетъ]. Пропала я безъ Василисы совсѣмъ!

МАЧЕХА. Да, ужъ ты извѣстная лѣнтяйка... Любила сложа ручки посидѣть. Вотъ теперь и поработай! Ахъ, зачѣмъ я послала ее въ лѣсъ!.. И сама-то безъ нея не могу! Кто теперь мнѣ наварить обѣдъ, кто теперь меня обмоетъ и обошьетъ? Она была такая кроткая, такая послушная... Все, все исполняла, что я ей ни приказывала.

Ни одного грубаго слова не слышала я отъ нея!.. [пробѣгаетъ по сценѣ Зайчикъ]. Зайчикъ, Зайчикъ, не видалъ ли ты Василису?

ЗАЙЧИКЪ. Она на опушкѣ сидитъ — отдыхаетъ. [убѣгаетъ].

МАЧЕХА И ДУНЯ — [громко]. Ау! ау! Василиса!.. [Василиса выходитъ справа съ фонаремъ]. Вотъ она! Наконецъ-то нашлась! [обнимаютъ ее].

ВАСИЛИСА. Вотъ вамъ огонекъ, матушка... [подаетъ фонарь].

МАЧЕХА. Не надо намъ его... Слава Богу, что ты сама-то вернулась! Теперь ужъ мы не будемъ больше обижать тебя!.. Не будемъ посылать тебя къ Бабѣ-Ягѣ!

ДУНЯ. Будемъ жить дружно!

ВАСИЛИСА. Ну, вотъ и хорошо. Позабудемъ все и будемъ, какъ родныя! [обнимаются].

Куколка и Зайчикъ на радостяхъ танцуютъ.

М. Ю. Зубова, Надя и Сося Зубовы, Оля Пермякова и Натуся Иванова.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЬЕСѢ.

1) КОСТЮМЪ РУСАЛОКЪ: бѣлая длинная рубашка безъ рукавовъ. Вокругъ ворота длинная бахрома изъ зеленой папиросной бумаги. На головѣ картонный ободокъ обклеенный серебряной бумагой. Къ ободку прикрѣплена на тонкой проволоцѣ серебряная мишурная звѣздочка (изъ елочныхъ украшеній) Въ рукахъ русалки держать пушистыя серебряныя нити.

2) КОСТЮМЪ ЗАЙЦА — узкая рубашка до колѣнъ или ниже, изъ мягкой сѣровато-желтой матеріи. (Можно употребить для этого костюма — сѣрую старую фуфайку). На ногахъ сѣрые шерстяные чулки, на головѣ гладкій чепецъ изъ такой-же матеріи. На соответствующихъ мѣстахъ пришиваются длинныя заячьи ушки и хвостикъ.

3) ВАСИЛИСА, ДУНЯ И МАЧЕХА — въ русскихъ костюмахъ, съ кокошниками, которые выкраиваютъ изъ картона, обклеиваютъ красной или голубой бумагой, и украшаютъ полосками изъ золотой бумаги и бусами.

4) КУКОЛКУ играетъ дѣвочка лѣтъ 5 съ румяными щечками и съ вьющимися пышными русыми волосками.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы четыре слова, означающія:

1. Насѣкомое, которое надоѣдаетъ.

2. Жвачное животное.

3. Предметъ, черезъ который просѣиваютъ муку, песокъ и т. п.

4. То, въ чемъ хранятъ шпагу.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ взять по первой и по послѣдней буквѣ и составить изъ нихъ четыре слога. Изъ этихъ слоговъ составить новое слово, которое означаетъ мучное кушанье.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

II.

Названіе какихъ фруктовъ и плодовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ?

1. Раненому тигру шагать было тяжело и онъ прыгалъ на трехъ ногахъ.

2. У нашего окошка росли высокія деревья.

3. Не подвернись мнѣ подъ ногу камень, я-бъ локоть себѣ не расшибъ и не пролежалъ-бы цѣлую недѣлю въ постели.

4. Вы все играли съ чужими дѣтьми, а на насъ даже и вниманія не обращали.

5. Цѣлые годы няня прожила у насъ и мы привязались къ ней, какъ къ родной.

6. Мужики поймали нашу убѣжавшую лошадь и привели ее къ намъ на дворъ.

7. Наша земля никакого удобренія не требуетъ.

8. Иосифъ бросился на перси къ Иакову и сталъ рыдать отъ счастья, что увидѣлъ отца.

III.

Задуманы шесть словъ, означающихъ:

1. То, что остается послѣ сгорания дерева.

2. Домашнее животное.

3. Плотничій инструментъ.

4. Пушного звѣря.

5. Тѣхъ, кого всѣ любятъ.

6. То, чего много въ лѣсу и въ каждой аллеѣ.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ взять по первому слогу и составить изъ нихъ два новыя слова, которыя означаютъ названіе журнала, предназначеннаго для дѣтей.

Какія слова задуманы и какой это журналъ?

(предложилъ Володя Юрданскій).

IV.

Составить изъ нѣкоторыхъ словъ этого письма начало очень извѣстной басни Крылова.

. . . . „Милая мама. Вчера мы приѣхали въ Петербургъ, гуляли по улицамъ и все намъ казалось интереснымъ. Мы были уже въ Зоологическомъ саду, видѣли слона.

Вечеромъ дядя и тетя водили насъ на кинематографъ. Если-бы ты знала, какъ видно было хорошо съ нашихъ мѣстъ! Были мы и въ музеѣ. Тамъ выставлены на показъ большіе часы, которые сдѣлалъ какой-то крестьянинъ-самоучка. Теперь мнѣ извѣстно, что такое трамвай. Мы сѣли въ него и насъ несло нынче въ немъ, какъ въ поѣздѣ. Все это мнѣ въ диковинку. У насъ сегодня оттепель; у васъ, конечно, не такъ тепло. Мы всему удивляемся и ходимъ за всякимъ пустякомъ, какъ за

слономъ. Всюду здѣсь масса народа, вездѣ толпы зѣвакъ, съ этими толпами и мы ходили. Будь здорова, прощай“.

Шуточные вопросы.

I.

Когда звонять во всѣ колокола?
(предложилъ Вася Зиновьевъ).

II.

Неужели люди не могутъ обойтись безъ ѣды: зачѣмъ они обѣдаютъ и завтракаютъ?

(предложилъ Ашхэнъ Султанъ-Шахъ).

1-го Апрѣля кончается срокъ подписки на «Золотое Дѣтство» по разсрочкѣ. Подписавшихся на журналъ съ разсрочкой платежа Редакція очень проситъ поспѣшить высылкой остальныхъ денегъ заблаговременно во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ имъ журнала.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 5, помѣщенныхъ въ № 7 „Золотого Дѣтства“.

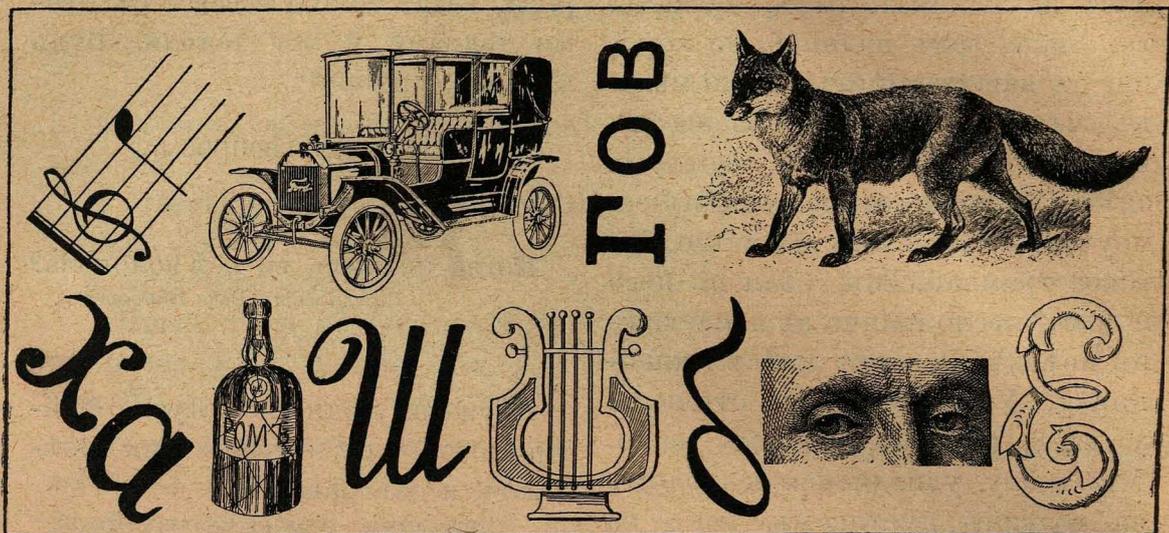
Головоломки. I. Въ грудную. II. Ушная. III. Отъ скелета. IV. Никогда, потому что набалдачникъ придѣланъ къ палкѣ. V. Отъ дерева. VI. По воздуху. VII. Лоть, ремонтъ, молоть, лото, орель, воронъ, левъ, теремъ. Задуманное слово — Лермонтовъ.

Ребусъ № 5. По + калоша + дитя + нули э + кипа + жъ на сту + пила г + роза = Пока лошади тянули экипажъ, наступила гроза.

Вѣрные рѣшенія прислали: А. Г. Ф. изъ Лонцка, Аля Болдырева изъ Грайворона, Маруся Дроздова изъ Вытегры, Николай Мышенковъ, Вик-

торъ Липинскій изъ Кіева, Вася, Миша, Толя и Маня Зиновьевы, Вильгельмина Робманъ изъ Юзовки, Зина Шапова, Юра и Оля Губины изъ Луганска, Катя Лассавіо изъ Таганрога, Сережа Каргашевъ изъ Чугуева, Настя Шпривева изъ Резины, Шушу Георгіевская, Надя Москалева изъ Кіева, Женя Стрижевскій изъ Кіева, Коля и Вѣра Бѣлявскіе, Пожевитиновъ изъ Каменецъ-Подольска, Анастасія Маркевичъ изъ Кіева, Оля Варваринская, Женя Стрекоза, Сережа Тупканчикъ, Зоя Рейшахъ-Ритъ изъ Пензы, Андриша Федотовъ — донской казачокъ, Галя Ротмистрова изъ Житомира, Натуся Немецкая, Митя Никольскій изъ Каменска, Лея Вертоградская изъ Митавы, Лева, Юля, Оля и Алеша Струтинскіе, Володя Дьяконовъ въ Спб., Оля Воротилова, Нина Бегіева, Коля Ильинъ въ Спб., Араксія Кегамянцъ, Кока Нарбутъ, Лева Бѣлявскій, въ Спб., Нина Трояновичъ-Пиотровская въ Спб., Маня и Гутя Клековы въ Спб., Лея Керберъ, Миша и Коля Побѣдимовы, Миня и Оля Захаревы въ Спб., Соия Гаккель, Раиса Головашкина изъ Тифлиса, Сережа Филимоновъ Шура Ермольева, Витя Вальцгеферъ изъ Касимова, Бойчевская изъ Саратова, Тима Асмаевъ изъ Нахичевани на-Дону, Катя и Ира Харевичъ изъ Ростова-на-Дону, Женя Адамова изъ Усвятъ, Георгій Сухихъ изъ Купянска, Зина Сапожкова изъ Каменецъ-Подольска, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Витя Болдуновъ

Ребусъ № 7.

изъ Купянска, Маруся Целицо изъ Харбина, Витикъ Поплавскій, Коля Игнатовъ изъ Рославля, Женя Данилова изъ Вильны, Соня Шераношеръ въ Спб., Апхэнъ Султанъ-Шахъ изъ Нахичевани-на-Дону, Паля Ивановъ изъ Вытегры, Адя Алякринскій, Ел. М. Трублаевичъ изъ Каменецъ-Подольска, Варя Пѣвцова изъ Гремухи, Таня Вайсеръ изъ Москвы, Павелъ Новиковъ, Юра Новикова, Сережа и Катя С., Вѣра и Люба

Свитогоръ-Штепина, Лида Дембовская изъ Ростова-на-Дону, Оля Сидорова, Тамара и Костя Шидловскіе изъ Харькова, Сережа Фохтъ, Соня Безирганова, Леля Коллертъ, Маруся Читаева изъ Пятигорска, Володя Милицинъ изъ Куртамышя, Володя Теремецкій изъ Гатчины, Маруся Марковская изъ Бахмута, Соня Зайдель изъ Вильны, Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшей годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. Отдѣльно крышки для переплета—по 45 копѣекъ (съ пересылкою по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
LABORATORY OF ORGANIC CHEMISTRY
530 SOUTH EAST ASIAN AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60607

...of the ...
...the ...
...the ...
...the ...

...of the ...

...of the ...

...of the ...

...of the ...

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1911 годъ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.